О блудном сыне - Борис Яковлевич Шмидт

Будем читать, братья и сестры, пятнадцатая глава Евангелие от Луки. Будем читать с двадцать четвертого стиха:24 ибо этот сын мой был мёртв и ожил, пропадал и нашёлся». И начали веселиться.

25 Старший же сын его был на поле; и, возвращаясь, когда
приблизился к дому, услышал пение и ликование;
26 и, призвав одного из слуг, спросил: «что это такое?»
27 Он сказал ему: «брат твой пришёл, и отец твой заколол
откормленного телёнка, потому что принял его здоровым».
28 Он осердился и не хотел войти. Отец же его, выйдя, звал его.
29 Но он сказал в ответ отцу: «вот, я столько лет служу тебе и никогда не преступал
приказания твоего, но ты никогда не дал мне и козлёнка, чтобы мне повеселиться с
друзьями моими;
30 а когда этот сын твой, расточивший имение своё с блудницами, пришёл, ты заколол
для него откормленного телёнка».
31 Он же сказал ему: «сын мой! ты всегда со мною, и всё моё твоё,
32 а о том надобно было радоваться и веселиться, что брат твой сей был мёртв, и ожил,
пропадал, и нашёлся».

Евангелие от Луки 15 глава — Библия: https://bible.by/syn/42/15/#24

Братья и сестры это семейная тема, хотя у нас сегодня собрание не семейные. Обычное назидательное собрание.

Отец имел двух сыновей. В притче мы понимаем, что это Бог. Отец - это Бог. Два сына - это мы христиане, мы с вами делимся на младшего сына и на старшего. Кто из нас младший сын, а кто старший, а кто был лучший? Младший сын или старший? Мы говорим "Притча о блудном сыне", имеем в виду младшего, а старший? Он же не блудил? Остался с отцом, работал с ним. Кто был лучший? Вы, братья, скажите? Старший послушный? Ну ладно, это старшие сыновья, это меньшие. Вы согласны сестры?

Так получается в семьях, вот поженились, муж молодой и жена, они наживают хозяйство, а чье это хозяйство? Муж и жена нажили, что-то построили, купили. Чьё это? Ну, сестры? Наше, да? Наше!

Один раз на семейной беседе сестра молится:

- Благослови моих детей, которых Ты мне дал!

Я говорю:

- Сестричка! А чьи это дети?

- Как? Мои!

- Сестра! Чьи это дети?

Она поняла наверное:

- А! Да! Наши.

Что заставляет человека называть это своим? Это струнка такая.

И вот меньший сын подумал: "богатый отец, много денег, много имущества", он говорит:

- Дай мне мою часть и я пойду от тебя!

Но это один блудный сын, а я замечаю сыновей таких много. Начинает исполняться сыновьям, дочерям двадцать пять, двадцать шесть, двадцать семь, больше и они меняются. Печальными становятся, работа их не радует, имущество их не радует, но вдруг заявляет отцу:

- Я пойду отдельно жить. Квартиру сниму, найму и буду там жить.

- А что тебе не так?

Я одной своей дочери:

- Наташа, ты живи с нами. Мама готовит, стряпает, шьет. Ты живи и ешь, и радуйся. Есть (что) покушать, есть где спать...

- Ой, папа, не беспокойся, я до тридцати лет с вами буду жить.

- Ух, так. Послушная дочка. Хорошо.

Только до девятнадцати дошла, нашёлся один паренек и всё. Видели Наташу... Всё! А после этого, после, она говорит, что ей хоть бы одну ночь речь лечь и выспаться безвинным ребёнком. О! Слёзы есть, но поздние слёзы. Могла бы жить припеваючи.

И этот сын получил своё, прожил и вернулся. Слава Богу, что он вернулся. Но старший, посмотрите за старшего, тут сказали "послушание". И он пришел домой, услышал пение, услышал ликование. Спрашивает слугу:

- Что это такое?

- А это твой брат меньший вернулся живым и по случаю, что отец принял его живым, заколол откормленного телёнка и веселятся.

Он осердился. Пропало его послушание и не мог он радоваться, брат его вернулся. А он отцу своему говорит:

- Сын твой....

Не наш брат, не наш сын, а твой. Он вернулся.

- И ты дал сразу телёнка откормленного и поют, и веселятся, а мне, отец дорогой, ни одного козленка не дал! Сколько я тебе служил, сколько я работал на тебя, ни козленка не дал, маленького овечку не дал. Ой жадный какой отец!

А отец удивился и говорит:

- Сын мой! Всё моё твоё, как же ты говоришь - козлёнка не дал?

Братья и сёстры, я хотел бы поговорить на тему, как мы служим Богу. Этот послушный сын правильно сказал, и ни одного приказания не ослушался, подчинялся от и до. Был он радостный в семье, счастливый? Как послушный старший сын, он был счастливый? Ну, скажите? Нет! А почему? Да! Братья и сестры, он жил в рабстве. Приказания выполнял, старался делать, как отец требует, а боялся тронуть что-то, козлёнка он не получил, друзей не принимал, гостей не принимал и жил он, как раб в отцовском доме полный богатства и жил он, как раб. Братья и сестры, мы служим Богу, мы счастливы? А не похожи ли мы со старшим сыном? Как рабы? И одни только приказы успевай выполнять, то и другое, третье и, люди становятся невольными. Тот сказал, что отец козлёнка не дал. Но представьте себе десять, двадцать лет он работал каждый год. Он был богатый, отец его имел земли большие, хозяин большой, он был сын хозяина, он был хозяин молодой. И вел он себя как раб - опять работать, утро, спрашивают отец:

- Сын! (Ты там, ты тут, ты здесь...)

- Опять приказы!

Каждое поле, каждый колосок угнетал его и не радовал, а угнетал дал - обрабатывать каждый день и целый день с утра до вечера, работать и работать, и работать. А за что? Повеселиться нельзя. Козленка нельзя, есть досыта нельзя. Он жил как в рабстве.

А отец услышал и он удивился:

- Сын мой! Да это же все твоё!

- Правда, папа! Правда, что это моё?

- Конечно, это всё наше, бери пользуйся, ешь и веселись, и радуйся.

А он не знал. Знаете, я не смогу вам доходчиво объяснить, но и если возьмем...

Мы и каждые семьи строились (имеется в виду дома). Мы строились, вы строились. И как семья работает все вместе, никто не говорит: это моя стена, это моё окно, это моя ошибка, это мой огородик, это твоё растет. Нет! Наше!

В хороших, настоящих семьях, там деньги лежат на определенном месте. Вот, жена, деньги лежат, надо будет бери и расходуй по своему усмотрению. Она может делать что хочет? Нет! Оно наше. Не моё, а оно наше! И заработки, и доход семейный - это семья, оно всё наше.

Я похоронил свою жену четвертого апреля и сейчас остался я и меньший сын. Мы согласились переписать на сына меньшего свой дом и пусть живёт. Я уже старый, долго не проживу по-человечески. Мы пришли к нотариусу. (Нам сказали) Нет. Шесть месяцев со дня смерти прошло, а теперь нельзя переписывать.

-Вы! - и на меня показываете, - Вы являетесь наследником. Все кто приписан к домовой книге, являются наследниками. И дом будет разделен на три равные части. Вы получите половину дома, вы как вместе с женой покупали этот дом, строили, приобретали, а остальную половину получат

остальные два сына, но которые были прописаны в этой домовой книге.

"Вот интересно" - думаю. Нет, так нельзя, чтобы одному всё, а другому ничего. Это семейное остается вашей и домочадцы, которые живут в этом доме это их, это наше могут все брать, пользоваться и радоваться и все веселиться то, что есть что-то кушать, есть где спать, и есть где жить.

Вот так и этот отец хотел.

- Сын мой! Всё моё это твоё. Бери и радуйся!

Но он думал - "это не мое, это отцовское и я хотел его получить лично." Как он понимал получить козленка? Отец должен выделить его - это твоё. Но не копыта, ни уха не наше- это твоё. Веселиться с друзьями своими отдельно, чтобы никто не касался и не слушал, и не видел. А отец думал просто: "Одному сыну, меньшему, я отделил свою часть, а это осталось - старшего сына и моё - всё в месте. И радоваться можно, какая мне разница это чей дом. Лишь бы я ходил на собрание сюда. Тепло - для меня. Стулья - для меня. Кафедра - для меня. А в чём дело? А может быть есть те, которые думают: "Ох если бы я бы был хозяином этого дома - я бы зажил". Такая струнка есть. Но это неверно. Это рабство.

Один человек мне сказал так:

- Только работать - это рабство, только молиться, просить и просить - это попрошайничество, а радость во Христе совсем другое.

И тут в конце отец говорит: "А о том надобно было радоваться и веселиться, что брат твой сей был мертв и ожил, пропадал и нашелся". Вот то, что надо было если бы он мог радовался.

Но, братья и сестры, я немного не могу сказать, а я однажды пришел домой, а жена моя говорит... ну я спрашиваю, как дети, как вели себя сыновья, а она говорит:

- Все ничего, и помогают они, работают, но они сильно дерутся между собой, кулаками бьют друг друга - это мне очень скорбно.

Она никогда не жаловалась, что непослушные дети. Обычно бывает, отца нет: "Ну папа приедет, скажет, тогда получите", но она не жаловалась, она сама могла с ними расправиться, а в этот раз пожаловалась - сильно дерутся.

Братья и сестры, а у нас как? Мы тоже дерёмся? И тоже бьём друг друга кулаками? Посмотрите в наших семьях, дружно мы живём или нет? Это все наше! Получил один в семье, получил хорошую получку, чья радость? Всех радость! Ни одного, а всех, потому что могут покупать, кушать досыта и радоваться, веселиться.

А брат приехал твой, это твой брат, родный брат, родился вместе с тобой и теперь он жив, какая это радость! Можем ли мы радоваться как бы радовался отец? Нет для отца большей радости, чтобы дети были дружные, друг за другом ухаживали, любили друг друга и помогали друг другу - это большая радость семейной жизни. А отец переживал за них. Ему дороги было и старший сын, и меньший сын. Но только радовался он в том, что меньший нашёлся вернулся всё-таки, раскаялся, а старший остался наедине и осердился, не хотел войти. Спросить его - это брат твой

или чей он? Он бы не сказал:

- Сын твой! Ставит себе праведным, а на деле хуже меня в сто раз.

Брат твой, а брат твой или брат мой? Сын наш - это главное.

И в конце хочу сказать на небе будут те, которые любили друг друга. Всё моё - наше и радость наша, и благословение наше.

Я очень много раз в сердце немножко ругал Саула. Вот однажды приезжают они с поля, с победы. Давид - полководец, Саул, армия израильская с великой победой. Победили филистимлян, ну и тут женщины попались навстречу и поют, сочинили, наверно, песню: "Давид победил десятки тысяч, а Саул тысячи" Он услышал это:

- "Ничего себе, парнишка этот белокурый, десятки тысяч ему дали, а мне тысячи, не достает ему только царства"

И возненавидел Давида и пропала жизнь Давида. Вражда и войны, и войны, и войны. А я думаю: "Саул! Глупый ты, Давид же твой воин, он победил врагов своих и израильских, тебе же хорошо. Если бы у меня была такая армия, я бы радовался. Нет, а мне не дали десятки тысяч."
Вы понимаете какое человеческое сердце жестокое? Да не будет этого с вами, дорогие дети Божьи. Мы должны любить друг друга. Сказать: "Всё моё - твоё!" И радуйся, веселись и служи Богу и пойдём, придём мы на небо, там Бог разделит поровну. Как что трудился? Не будет моё-твоё, а там всё будет Божие и пусть всё будет нашим?

Давайте, братья и сёстры, ещё раз склоним колени и помолимся.

Аминь!

2011 год

Комментарии
